

УДК 811.161.1

И.Б. Шатуновский

**Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами¹
(продолжение)**

Аннотация:

Статья посвящена перлокутивным действиям и перлокутивным глаголам — глаголам, которые обозначают перлокутивные действия — в русском языке. Исследование перлокутивных действий чрезвычайно важно не только для лингвистики, но также для социологии, социальной психологии и логики действий, поскольку перлокутивное взаимодействие неразрывно связано с социальным взаимодействием в целом. В статье предложен новый подход к перлокутивным действиям и глаголам, определены условия перехода перлокутивных глаголов в иллокутивные глаголы, выделены основные типы перлокутивных глаголов и действий, описаны наиболее важные глаголы этого типа в русском языке.

Ключевые слова: перлокутивный, иллокутивный, речевые действия, глаголы, русский язык, семантика, прагматика

Об авторе: Шатуновский Илья Борисович, доктор филологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: shatunovskiy@yahoo.com

4. Перлокутивные глаголы воздействия на ментальное состояние, картину мира А-а, в свою очередь, делятся на 2 основных типа, в соответствии с тем, какой компонент фрагмента этой картины мира — используя понятия и термины Ш. Балли [4, с. 44], диктум — диктальная пропозиция Р, «картинка действительности», описывающая как бы «для пробы» возможное положение дел — или (объективный) модус, соотносящий Р с действительностью ('имеет место', 'есть в действительности' — для дескриптивных высказываний) находится не под вопросом, как в случае вопросов, ср. классификацию вопросов Балли [4, с. 47–48], но под перлокутивным воздействием. Среди перлокутивных действий воздействия на картину мира А выделяются такие, в случае которых диктальное Р известно, вопрос в том, имеет ли это место в действительности или нет. В фокусе воздействия в этом случае модальный компонент 'имеет место (в действительности)'. А имеет в уме Р, но не знает (не имеет в уме), имеет ли оно место, назначение речевого действия сделать так, чтобы А считал, что Р имеет место. К этой группе относятся **убеждения₁, уверения** и, под вопросом, **«настаивания₁»**. При этом *убеждать* и *настаивать* являются конативными глаголами, *уверять* может употребляться как конативно, так и неконативно.

Другая группа этого же типа — это такие перлокутивные действия, в фокусе воздействия которых диктум, «картинка действительности» в уме А. В этом случае известно, что что-то есть, имеет место, но не совсем ясно или совсем неясно, что именно, какое Р имеет место. В фокусе воздействия в этом случае диктум, Р в уме А. Перлокутивные действия

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00136.

направлены на то, чтобы сделать содержание Р (или комплекса Р) ясным А-у. К этой группе относятся (с разной степенью вхождения в этот тип, множество нечеткое) **объяснения, разъяснения, прояснения, пояснения, комментарии** и т.п.

Особое место занимают ПД **внушения₁**.

Глаголы ментального воздействия, имеющие в фокусе истинность Р, делятся на 2 основных группы — **убеждения₁** и **уверения**. Эти ПД являются вторичными в том смысле, что они оперируют с Р, уже введенной в дискурс в предшествующем тексте, убеждают или уверяют в истинности Р, уже имеющейся в уме А, но в истинности которой он не уверен, сомневается. Первичные дескриптивные высказывания (речевые акты), вводящие Р в дискурс, могут быть фактивными и нефактивными. Если Р введено фактивным высказыванием — сообщением, объявлением, широким недифференцированным фактивным высказыванием (а оно является таковым, если Г произносит, а А принимает его как таковое), то его истинность не под вопросом, А принимает его в свою картину мира и на этом история с этим Р заканчивается. Однако если Р не принимается А-ом как факт, то «тема» этой Р может быть продолжена в последующем дискурсе. Есть две основные «угрозы», которые могут сделать содержание высказывания — пропозицию Р — не соответствующим действительности. (1) Субъект — источник этой Р, построивший эту Р в своем уме, может ошибаться, и (2) Г, излагая Р, которое он имеет в уме, может лгать, а также, другие случаи того же рода, фантазировать, под влиянием эмоций исказить истинное положение вещей и т.п. Соответственно, под вопросом в данной коммуникативной ситуации, в данном дискурсе может быть объективная правильность Р или субъективная искренность, надежность и т.п. источника Р [36, с. 35].

4.1.Убеждения₁. В случае убеждения под вопросом объективная правильность Р, Г приводит доказательства в пользу того, что оно соответствует действительности, истинно. Это приведение аргументов, доказательств в пользу Р (того, что Р истинно, имеет место) называется и тем самым является перлокутивным действием **убеждения**. В области первичных иллокутивных актов убеждение соотносится с утверждениями (имеющими в фокусе объективную правильность Р [36, с. 46]): А-а убеждают, приводя объективные аргументы, в объективной правильности Р. Когда мы кого-то в чем-то убеждаем, мы делаем фактивные дескриптивные высказывания — сообщения и констатации, которые являются аргументами в пользу того, что Р (истинно), и опираясь на них, какое-то имплицитное или эксплицитное **умозаключение** в пользу того, что Р (истинно): *Есть школа? Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит, можно жить.* (Б. Екимов. Фетисыч). Подобное умозаключение, следуя умозаключению, предложенному Г, по замыслу Г, должен совершить в своем уме А, и в результате этого принять его результат, согласиться с тем, что Р истинно. Таким образом, речевое действие убеждения использует внеязыковую (точнее, не вполне языковую, естественную) способность к логическому рассуждению, мышлению и является не только речевым действием, но и актом мысли, который производит вслух Г с целью произвести, продуцировать такой же акт мысли в уме А.

Перлокутивный, неконвенциональный характер убеждения ярко демонстрируется тем, что Г, подбирая и формулируя аргументы в пользу Р, может убеждать самого себя². В этом

² Иллокутивные акты не могут быть (при нормальном употреблении) направлены на самого Г — Г не может сам себе / для себя сообщать, утверждать, заявлять, что Р, сам себя просить и т.д. — поскольку в

случае речевое и мыслительное действие полностью совпадают: *“Азы надобно постигать, азы! — убеждал он себя. — Все сложное из простого вытекает”*. (Б. Евсеев. Евстигней).

В предложениях, описывающих РД убеждения, может быть выражена только перлокутивная цель убеждения, то, в чём убеждают, при этом то, чем убеждают, остается неэксплицированным: *Помню, как года три назад Петр Авен убеждал меня, что, напротив, ненависть к состоятельным гражданам отступает, в обществе идёт оздоровительный процесс к принятию нового социального слоя...* (Е. Семенова. Олигарх без галстука); *Он долго убеждал меня в своей правоте.*

Предложения убеждения могут описывать непосредственно речевое действие убеждения (вводить прямую или несобственно-прямую речь). В этом случае описывается и то, в чем убеждают, и то, чем убеждают: — *Мы подходим друг другу, (то, в чем убеждает А-а Г) — убеждал Коля. — Я страшно умный, не урод, талантливый. Рядом со мной должна быть блестящая женщина. Я для тебя все сделаю* (аргументы) (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

В случае убеждения возможны переходные между изменением состояния ума А и побуждением случаи: *Колюша и тут научно подошёл, убедил Ивана Ивановича, что к водке соваться нет большого смысла, надо пробраться к спирту* (Д. Гранин. Зубр)

— из суждения о том, что нет смысла делать Q и необходимо сделать P почти конвенционализированно следует косвенное побуждение не делать Q и выполнить P, см. также, уже без комментариев, многие примеры выше.

4.2. Уверения. Другая группа РД (назовем их “уверениями” в широком смысле) употребляется, когда в дискурсе истинность P под вопросом вследствие возможных сомнений в субъективной “надежности” (искренности и т.д.) Г. Если перлокутивная цель убеждения — каузировать А считать, что P правильно (и поэтому P истинно), то перлокутивная цель уверений — каузировать посредством произнесения различных РА А-а поверить, что Г говорит правду (и поэтому P истинно). Об этом говорит и сама внутренняя форма этого слова, производного формально и семантически от *вера, верить*. Ср. в работе М. Я. Гловинской: «Цель «уверений» — сделать с помощью слов так, чтобы адресат поверил говорящему» [9, 279], при том, что *верить кому-либо* означает полагать, что он говорит правду, не лжет. Однако ПД уверения апеллируют не просто к вере в искренность Г, но к более широкому понятию субъективного доверия А к Г. Уверяющий стремится каузировать А доверять Г, в частном случае, доверять его искренности. Однако здесь это только один из аспектов, которым может оборачиваться доверие; в различных коммуникативных ситуациях могут оказаться релевантными и другие виды доверия: доверие к осведомленности и компетентности Г, авторитету и надежности его источников информации, доверие, возникающее к Г вследствие особенностей его ума и характера, и т.д. Иллокутивными актами (высказываниями), которыми делаются уверения, могут быть “клятвы”³ («Субъект может давать честное слово, божиться, клясться и т.д.» [20, 1174]): *клянусь, даю слово, честное слово: Клянусь, (что) я этого не делал!*, побудительные

разговоре с самим собой условные конвенции теряют всякий смысл, воздействие на самого себя может быть только «естественное».

³ **Клятвы**₁ — РА, обязывающий Г сделать то P, которое он поклялся₁ сделать: *Клянусь, что я это сделаю!*; в случае **клятвы**₂ Г посредством произнесения в соответствии с простыми правилами (которые мы здесь не будем описывать) “языковой игры” клятвы “ритуальных”, перформативных слов стремится каузировать А поверить, что он говорит правду (искренен), и поэтому его высказывание истинно.

высказывания типа *верьте / поверьте (мне)* и т.д. Этими высказываниями также могут быть различные аргументы, доводы, но в случае уверений эти доводы касаются исключительно субъективной стороны: искренности, надежности, компетентности Г, а в случае передачи чужого Р — надежности, искренности, компетентности и т.д. его источников: *Зачем мне врать? Разве я тебя когда-нибудь обманывал? Мне говорили об этом надежные люди; Мне сказал об этом человек, который работает в ...; Мне сказал об этом Петя, а он врать не будет; “уж он-то знает!”*, как сказал булгаковский герой о Воланде, и т.п., что означает: ‘вы должны верить мне, потому что я никогда не обманываю / у меня надежные источники информации / я человек серьезный, не болтун / у меня нет причин лгать’ и т.п. Можно сказать, что уверение — это убеждение в искренности, надежности и т.д. Г, и в этом смысле уверения представляют подвид убеждения, ср.: «УВЕРИТЬ... Заставить поверить во что-л. или чему-л., убедить в чем-л.» [31].

Уверения, однако, несимметричны с убеждением в том отношении, что они могут быть не только перлокутивными действиями, но и иллюкутивными актами (уверение₂). Нельзя убеждать, просто сказав: *Убеждаю вас, что дважды два пять, но уверять таким образом можно: [Воланд:] *В частности же, уверяю вас, вам он [кирпич] ни в каком случае не угрожает. Вы умрете другой смертью* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Если в случае перлокутивных уверений, как и в случае убеждения, различаются перлокутивная цель (то, в чем уверяют) и перлокутивное средство (высказывания, которыми уверяют), то в случае иллюкутивного уверения то, в чем уверяют, и то, чем уверяют, совпадают: *Вам ведь ваша квартира-то понравилась? Уверяю вас: у Голубятникова хуже.* (А. Волос. Недвижимость). В случае иллюкутивного уверения в значение высказывания уже конвенционально входят элементы, которые в случае перлокутивного уверения выражаются эксплицитно: Р, ‘и вы должны верить мне, потому что я располагаю надежной информацией, не преувеличиваю, не лгу и т.п.’. Важной особенностью уверений (как иллюкутивных, так и перлокутивных) является то, что Р, в котором уверяют, является х о р о ш и м для А. Это очевидно мотивировано значением мотивирующего глагола *верить*: Р, в которое *верит* субъект, в типичном случае является хорошим для него [28], ср. аномальность: *“Уверяю вас: ваша квартира хуже, чем у Голубятникова.*

Говорящий (точнее, в этом случае, скорее, думающий) может *уверять сам себя*. (В таком случае это, как было сказано выше, по определению перлокутивное действие.) Поскольку вопрос о доверии здесь снимается (человек не может не доверять самому себе), уверение сближается с убеждением и отличается от убеждения тем, что субъект внутренней речи / мысли подбирает аргументы, стараясь убедить / уверить себя, что имеет место х о р о ш е е для него Р: *Несмотря на то, что он изначально принадлежал к партии пессимистов, ему все же очень хотелось надеяться на чудо, и, сидя на дорогом кожаном диване, он поглаживал его подлокотник и уверял себя, что людям, которые могут позволить себе в фойе такие диваны, не нужны их жалкие квадратные метры* (А. Геласимов. Дом на Озерной).

4.3. Настаивание. Специфика *настаивать* как перлокутивного действия заключается в «тупом» п о в т о р е н и и одного и того же самого утверждения или побуждения в ситуации, когда А не принимает (сомневается или прямо отрицает) истинность утверждения или не соглашается выполнить побуждение. (Это прагматическое условие уместности настаивания: если никто не сомневается в Р / не отказывается выполнить Р, то нет смысла на нем настаивать). Ср. толкование *insist₂* ‘настаивать’(дескриптивного) в [43]: «to keep saying very firmly that something is true, even when other people will not believe you».

Это повторение может быть в той же самой форме (часто с эллипсисом, повторяется только то, что в фокусе «настаивания», то, что в пропозиции вызывает сомнение или недоверие): *Позавчера двух лосей завалил. Во каких! — Так уж и двух, — засомневались слушатели. — Двух, двух, — настаивал экс-президент.* (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле); форма также может быть разной, но смысл, содержание примерно одно и то же: ... *Если по-настоящему, какие мы враги — мы свои люди. Ведь были же друзья! Разве нет? — горячился и даже как бы настаивал Рубахин* (В. Маканин. Кавказский пленный) — где трижды (третий раз в виде риторического вопроса) повторено утверждение ‘мы не враги, мы свои люди’.

Перлокутивное действие настаивания может включать, помимо повторения утверждения или побуждения, также аргументы в пользу Р. *Ключик упорно настаивал, что Вертинский — выдающийся поэт, в доказательство чего приводил строчку: Аллилуйя, как синяя птица!* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец). В этом случае оно сближается с убеждением, в некоторых случаях можно сказать и *убеждать* (тогда во главу угла ставится наличие аргументов), и *настаивать* (тогда в фокус выносятся повторение — утверждения / побуждения и аргументов).

Дескриптивное *настаивать* ‘добиваться, чтобы А принял истинность Р’ парадоксально в том отношении, что это такое действие, которое никогда не достигает результата. По крайней мере, СВ *настоять* имеет только значение побуждения — «Добиться исполнения чего-л.» [31, а также 33; 21; 16; 13]. При этом, поскольку все отмеченные выше словари (кроме [13]) толкуют НСВ через СВ, дескриптивное значение *настаивать* вообще остается в них не замеченным и не отмеченным⁴.

Настаивать, так же, как и *уверять* и *предупреждать*, может употребляться и перлокутивно, и иллюкутивно. В случае перлокутивного употребления настаивают, повторяя первичное побуждение или утверждение, часто с аргументами. Такое действие может конвенционализироваться и, как бы вбирая в себя все подразумеваемые возможные повторения и аккумулируя их силу, употребляться для введения первичного утверждения или побуждения, становясь тем самым иллюкутивным актом. Г в этом случае как бы забегает вперед и, предвидя возможные сомнения или возражения, заранее настаивает на своем утверждении или побуждении. О подобной конвенционализации сигнализирует перформатив *настаиваю*: *Я настаиваю на том, что именно стремление быть эффективным на своём рабочем месте является более надёжным доказательством пригодности сотрудника к работе, чем опыт выполнения конкретной работы* (Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004).

4.4. Внушение. *Внушать* — чрезвычайно широкое слово, в наиболее частотных его употреблениях — *внушать* (= ‘вызывать’) чувства — *страх, уважение* и т.д., — оно не обозначает речевые действия и действия (контролируемые субъектом события) вообще. Тем не менее, достаточно частотно его употребление как речевого действия типа убеждения — действия, которое делается словами, которые часто эксплицируются при *внушать* в качестве прямой речи и которыми Г старается каузировать А принять Р в свою картину мира (или принять Р к исполнению): *Австралия — не Сидней, не Мельбурн и даже не фермы, — внушал нам Алан Маршалл. — Наша страна — это прежде всего буш, и пока вы не побываете в буше, вы ничего не поймёте.* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами). В отличие от убеждения в случае первого акта внушения (первого высказывания из потенциального ряда внушающих

⁴ В [13], где толкуется НСВ, также отмечено только побудительное значение *настаивать* — «Усиленно добиваться, требовать исполнения чего-л.».

высказываний), как и в случае первичного утверждения, новым для А является и диктальное содержание Р («... *внушать Р* можно и тому, кто о Р совсем ничего не слышал» [20, с. 1172]). Однако перлокутивной целью внушения является не описание Р, а каузация принятия этого Р А-ом в свою картину мира как истинного (либо в случае побуждения принятия Р А-ом к исполнению). В случае перлокутивного внушения то, что внушается, может совпадать и часто совпадает с тем, чем это внушается, и в этом отношении и в этих случаях оно подобно иллюкутивным актам.

Примечание: Поскольку в случае внушения цель (то, что внушают) и средство (то, чем внушают) могут, по крайней мере, частично, совпадать, при выражении этих валентностей может происходить контаминация цели и средства: *В детстве, хотя оно и было трудным, мне перепало немало тепла и моя суровая мама внушила мне следующее: «Всегда делай людям добро — это выгодно»* (Ю. Азаров. Подозреваемый). Здесь выражение в кавычках обозначает прежде всего результат внушения, то, что внушено посредством повторяющихся актов внушения, однако, поскольку это внушалось, по крайней мере, примерно, этими же словами, это выражение обозначает одновременно и средство внушения, о чем сигнализирует употребление кавычек. Ср. другой, более наглядный пример такой контаминации — объединение цели (*что*) и средства (*чем*, в кавычках): *Меня воспитывала бабушка, которая и внушила мне, что «замуж надо выходить девушкой», а иначе лучше не жить вообще.* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО).

Однако, в отличие от иллюкутивных актов, внушение не является конвенциональным действием, но имеет естественную природу⁵. В отличие от убеждения, использующего внеязыковые (или, осторожнее, не полностью языковые) логические механизмы, внушение аналогичным образом опирается на внеязыковые (не полностью языковые) естественные психологические механизмы⁶. Одним из основных способов «внедрения» Р в ум А-а является повторение — буквально одного и того же или почти одного и того же высказывания, либо в различных «облачениях» и видах одного и того же содержания. Ср. мнение специалиста: «Если ты имеешь целью внушить что-либо, ..., нужно разжевывать и повторять ...» (Э. Лимонов. Пархоменко, политработник // Свободная пресса. 22.11.12). Это повторение вместе с «разжевыванием» может происходить на протяжении одного связного дискурса, например: *«Народу вера нужна, — внушал он мне однажды у себя в кабинете, когда я в очередной раз пришел к нему ходатайствовать за Быкова, ... — Вера нужна народу. Вот веру литература и должна дать, в этом главная ее задача».* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды) (единичность дискурса показана эксплицитно словом *однажды*) или же, прерываясь, повторяется в разных конкретных дискурсах в разные последовательные моменты (периоды) времени: *«На самом деле — проблема в нас самих, в нашем безделье, лени, воровстве, тяге к кайфу и куражу. Выпендрей раньше нас родился и позже нас умрет, если мы за ум не возьмемся!» — внушал майор своим сотрудникам на пятиминутках* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

Помимо повторения и «разжевывания» (что также является видом повторения), внушение также использует различные паралингвистические и просодические средства —

⁵ То же самое относится к использованию языка как средства мышления в актах, действиях мысли (см. [39]).

⁶ Мы говорим о стандартном, обычном языковом внушении, но не о специфическом гипнотическом или телепатическом внушении. Вместе с тем механизмы обычного перлокутивного внушения очевидно имеют нечто общее с этими специальными видами внушения, между ними нет резкой границы.

особый взгляд, тон, тембр, особая «внушающая», убеждающая интонация и т.п. (что плохо отражается в примерах из письменных источников).

Внушение может включать аргументацию, апеллирующую к субъективной или объективной стороне Р, в этом случае внушение сближается с убеждением. В таких случаях интерпретация дискурсивного блока как убеждения или внушения зависит от того, что является (что мы считаем) главным: аргументацию или само повторение и / или произнесение Р, а также самой аргументации особым «внушающим» образом: *Напугал меня словом «режиссура» еще отец. Отговаривая от поступления на актерский факультет, внушал: «Не уверен я, что театр — твое призвание. Ну, может быть, еще режиссура. С золотой медалью идти в актеры, согласись, сына, расточительство. У тебя же голова на плечах».* (С. Юрский. Четырнадцать глав о короле). Ср. также пример ниже, где свободно варьируются *внушал* и *убеждал*: *Петрович, птица под белым небом лишь днем, а ночью надо в тепле... Тем более на гнезде, — внушал он. — Петрович, она хоть и свиньей зовется, но в сырости, при сквозняке жить не будет, — убеждал он меня.* (Б. Екимов. На хуторе).

Неконвенциональность речевого действия внушения ярко демонстрируется тем, что можно внушать нечто самому себе: *«Папа жив, — внушал я самому себе, — попал в плен раненый, оказавшись в окружении, случилось же такое с дядей Хаимом. А после войны — скитания перемещенного лица: Европа, Новый Свет, Австралия... Где-то мыкается, тоскуя обо мне, о сестрах, о матери... Пусть!»* (П. Сиркес. Труба исхода).

Внушение может быть побудительным речевым действием: *Пойми, Иван, — внушал Ромаша. — Пиши смело, без оглядки. Но — меньше эстетства. Большие черной земли.* (Е. Попов. Любитель книг Александра Дюма-старшего борется с плакатом); *Чех внушал: «В любом случае действуйте по обстановке!»* (А. Азольский. Диверсант); *Успокойся, — внушал я то ли Рене, то ли себе.* (П. Сиркес. Труба исхода). В этом случае А-у внушается выбор Р или способа совершения Р не конвенционально, а посредством психологического механизма непосредственного влияния высказывания на волю.

Как и в случае убеждения, возможны переходные между побуждением и изменением состояния ума А случаи: *После войны не раз внушал тете Розе: — Надо разыскать. — Что я им скажу? — колебалась она.* (П. Сиркес. Труба исхода) — из суждения о необходимости Р следует косвенное побуждение выполнить Р.

Особенностью действия внушения является то, что «внедрение» Р в ум А-а происходит в обход сознательного контроля последнего («Внушают таким образом, чтобы слова воздействовали на волю или подсознание адресата» [20, с. 1172]), и этим обычное внушение подобно внушению гипнотическому: *И тогда милицкий начальник исподволь внушил ей идею — избавиться от Гаврилова* (Плата за собственную казнь // Криминальная хроника, 2003.06.10). Результат здесь достигается на бессознательном уровне, в отличие от *убедить* и *уверить*, где момент достижения «скачком» (используя образ Ю. С. Маслова [18, с. 48]) результата — принятия Р в ум А-а как истинного — может быть зафиксирован и отмечен: *Ну хорошо, вы меня убедили! Ну ладно, ладно, я вам верю!*, в случае внушения невозможно сказать: **Хорошо, вы мне внушили, что Р! *Наконец-то я внушил вам, что Р!*

4.5. Объяснения. Рассмотрим теперь глаголы *объяснять / объяснить, разъяснять / разъяснить, пояснять / пояснить, прояснять / прояснить, растолковать, толковать* и т.п., на примере глагола *объяснять / объяснить*, являющегося доминантой этого ряда. Как было отмечено выше, это глаголы, описывающие воздействие на диктум, точнее, на ту область ума А-

а, в которой должен находиться диктум, описание некоторой ситуации Р, но на месте которого — «пробел». Все эти глаголы фактивны в том смысле, что они имеют пресуппозицию существования некоторой ситуации Х, и эта идея наличия некоторой ситуации Х есть в уме А-а, однако диктум, описание этой ситуации, диктальное Р является не (полностью) известным, неясным или не совсем ясным для А⁷. Например, если произошло некоторое событие, например, пожар или авария, то у него (согласно обыденной, естественной логике) есть причина, если произошло некоторое контролируемое действие / событие, то у него также есть причина в некотором другом смысле = основание, мотив, а также цель (которая также является его причиной, мотивом) и т.д., но что именно является причиной, мотивом, целью может оставаться неизвестным, = неясным А-у. Г посредством дескриптивного РА (высказывания) или ряда, комплекса таких РА «доводит до сведения» А-а, что именно является причиной, мотивом, целью и т.д. Х, и тем самым, заполняя пробел в уме А-а этой дескрипцией, **объясняет** это. Таким образом, ПД объяснения совершается посредством дескриптивных РА.

Разумеется, объяснение может быть не только объяснением причины, мотива события / действия, но и многого другого. Например, раз есть какое-то слово, то оно что-то значит, если есть два разных явления Х и Y, то между ними есть какая-то разница, поскольку Эйфелева башня существует, то она где-то находится и до нее можно как-то добраться, и т.д., и т.п., и А может не знать этого. В этом случае компетентный Г может ему объяснить, что значит такое-то слово, в чем разница между Х и Y, где находится Эйфелева башня, и т.д.

Помимо типичной для перлокутивных глаголов валентности речевых средств объяснения, *объяснять / объяснить* имеют специфическую для этих глаголов семантическую валентность «темы» объяснения — того, *что* объясняют, — выражений, слов, которые указывают на диктальную область, нуждающуюся в объяснении (обычно это косвенные вопросы или абстрактные существительные). Эта тема, вместе с включенным в значение глагола компонентом 'делать / сделать ясным', описывает перлокутивную цель объяснения. Тема объяснения может быть ясна из ситуации или предшествующего контекста: *В феврале 2003 года во Фрунзенский РОВД пришёл мужчина и заявил, что хочет сознаться в убийстве женщины, совершённом полгода назад. Она ко мне по ночам является," — объяснил он милиционерам своё неожиданное признание* (С. Любимов. Призрак убитой ошибся адресом). То, что объясняется причина признания, ясно из контекста, прямая речь — сообщение, описывающее эту причину — средство объяснения. Возможно выражение темы объяснения и в прямой речи — вместе со средством объяснения, например: *«Опыты не получились потому, что вы не верили», — объяснял Лысенко*. В предложении может быть выражена только тема объяснения: *Видать, не зря экономист объяснял жильцам, кто такие тунеядцы и почему их следует гнать из Города к чёртовой матери*. (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны) — выражено, что объяснял, но не указано, чем (как). Особенностью предложений, описывающих ПД объяснения, является то, что здесь средство объяснения может быть выражено в косвенной речи; разумеется, в этих случаях передается только содержание, смысл средства объяснения, но не буквально слова, высказывания, которыми Г объяснял нечто: *Время от времени поднимал голову и, еле ворочая языком, повторял, что ему в Электросталь... а я каждый раз объяснял, что на*

⁷ Впрочем, какие-то диктальные признаки этой ситуации должны быть известны А-у, например, что эта ситуация — причина ситуации Y, или что это различие между Х и Y, или это маршрут, путь из Х в Y, и т.д., именно эти признаки и указывают на ситуацию, которая имеет место. О существовании, имени места неизвестно чего говорить невозможно: *Существует нечто / что-то.

Курском ему нужно перебраться на другую ветку... (А. Волос. Недвижимость) — объяснял, как добраться в Электросталь; *Он поносил Родена и Бурделя, объяснял упадок современной скульптуры тем, что нет достойных сюжетов, а главное, что нет достойного материала.* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Речевое действие объяснения / значение глагола *объяснять* / *объяснить* имеет 2 разновидности, точнее, два «полюса», между которыми располагаются все его употребления. На одном «полюсе» *объяснять* является конативным глаголом, обозначая действие, которое встречает трудности на пути к достижению цели — заполнения мысленного «пробела» в уме А, построения диктальной «картины» Р — и может на каком-то (любом) этапе вдруг, «скачком» достичь этой цели, когда А вдруг начинает понимать Р, формирует в своем уме целостную картину Р (*объяснять*₁). В этих случаях перлокутивной целью объяснения можно назвать *п о н и м а н и е* [7, с. 82; 8, с. 175], которое часто рассматривается в качестве цели объяснения вообще: "... *Explaining can be paraphrased, roughly, as causing to understand*" [44, с. 296; см. также 12, с. 104]. Для достижения понимания субъекту понимания — А-у объяснения необходимо со своей стороны проделать определенную мыслительную работу для создания в своем уме из тех элементов Р, которые сообщены ему Г, правильного отражения действительности (см. [12, с. 104]; аналогично в [44, с. 297; 1, с. 414]; и др.). В случае объяснения₁ имеется полная коммуникативная кооперация в отношениях между Г и А, т.е. А доверяет компетентности и искренности Г, это является пресуппозицией (условием уместности употребления *объяснять*) в данной коммуникативной ситуации, трудности, возникающие на пути объяснения₁, обусловлены «естественными», можно сказать, «техническими» факторами, такими как особенности ума А-а (недостаток умственных способностей или опыта, необходимых для построения Р, недостаточным знанием языка объяснения и т.п.), характером самого (комплекса) Р — его объективной сложностью, а также качествами самого Г — его знанием языка, способностями объяснять и т.п.: *На ломаном французском языке он с трудом объяснил, что ему нужно* [33]; *Алёнка в слёзы - возьмём с собой в санаторий, вдруг это наш. Насилу объяснил, что мы уже километров двести проехали, не мог Тигра столько пробежать.* (М. Мартова. Солнечные коты). СВ в случае конативного объяснения обозначает достижение перлокутивной цели объяснения.

На другом полюсе находится более простое (и преобладающее в примерах Корпуса) неконативное *объяснение*₂. Объяснение₂ не требует активной мысленной работы А-а — понимания — для заполнения или «дозаполнения» «позиции» диктума в каком-либо фрагменте картины мира А⁸: *Но нам было отказано: здесь живут в основном ирландцы, объяснил супер, а среди них много антисемитов* (С. Мазур. Кто в доме хозяин). Понимать (т.е. использовать активно способность мышления) здесь нечего, кроме самого тривиального смысла понимания значения высказывания (но это необходимо для всех видов речевых действий, как иллюкутивных, так и перлокутивных). Возможные проблемы с достижением перлокутивной цели объяснения — заполнения диктального «пробела» в уме А — здесь связаны не с «техническими» особенностями передающего и принимающего «устройств» вкупе с характеристиками того, что передается, но с субъективными коммуникативными установками

⁸ Ср.: «Есть менее типичные случаи употребления *объяснить* ... : *объяснить, как пройти на вокзал; объяснить, что завтра нужно делать на субботнике.* Здесь речь идет не о непонимании, а о незнании» [7, с. 83].

А-а, который может не доверять искренности и компетентности Г. В ситуации объяснения₂ в случае недостижения перлокутивной цели мы не можем сказать, что А не понял Г / Р, но можем сказать, что он не принял объяснение Г как достаточное, искреннее (и поэтому истинное), правильное и т.п. При этом неконативный СВ *объяснить* сам по себе имеет значение ‘сказал’ и не указывает на достижение или недостижение перлокутивной цели, однако из более широкого контекста или ситуации может быть ясно, что цель достигнута или не достигнута: *Позже Мошков объяснил, что разозлился, не обнаружив денег, и потому стал стрелять* (Л. Шарова. Трассовики). Здесь можно продолжить: *Но оперативники не удовлетворились этим объяснением / не поверили этому объяснению*. Ср. также: *Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса — Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка*. (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). СВ здесь значит ‘высказал, предложил законченное объяснение’, результата это объяснение, как показывает ирония автора, не достигло.

Теперь очень кратко о некоторых других глаголах этой группы. Наиболее близкими неточными синонимами *объяснять / объяснить* являются *разъяснять / разъяснить* [8, с. 175] и *растолковать / растолковывать* — «обстоятельно, подробно объяснить, разъяснить, добиваясь понимания чего-л.» [31], которые, подобно *объяснять / объяснить*, включают в свой диапазон как конативные, так и неконативные употребления. При этом для *разъяснить / разъяснять* более характерны неконативные употребления, а для *растолковать / растолковывать* — конативные. Неконативные употребления: *Смотри, какое чистое небо. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, — торжественно разъяснил дядя, — что завтра будет замечательный день, ясный, тихий, тёплый, и мы с тобой пойдём ловить птиц*. (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *Я популярно растолковал кому следует, что произойдет со всеми их тайнами, если, паче чаяния, со мной что-нибудь случится* (М. Баконина. Девять граммов пластила) ≈ *объяснил*₂. Конативные употребления: *Кое-как — на двух языках — он растолковал (= объяснил, разъяснил) немцу, что он — сирота, бездомный, что ему нечего есть*. (А. И. Пантелеев. Ленка Пантелеев); *А он нам, дуракам, сразу все растолковал* (В. Личутин. Любостай).

Вместе с тем есть и специфические для *разъяснять / разъяснить* (неконативные, соотносительные с *объяснять*₂) употребления, мотивированные значением приставки *раз-* (‘интенсивность или тщательность’ согласно [27, с. 395]). Если *объясняют* то, что совершенно неясно (позиция диктума пуста), то *разъясняют* и, реже, *растолковывают* то, что частично ясно, известно, но не полностью: *Пленум Верховного суда разъяснил нижестоящим судам, за что можно выселять из неприватизированных квартир жильцов, а за что нет* (И. Петров. Тише музыка — дальше выселение) ... — *разъяснил, что жильцов можно выселять из квартир за... ≠ объяснил, = разъяснил не совсем ясный закон*, ср. также *разъяснительная работа* (в советское время), *работа по разъяснению решений партии и правительства, разъяснил мне мои права, разъяснил идею, главную мысль произведения, суть дела* и т.п.

4.6. Пояснения. Как и в случае *разъяснять / разъяснить*, действие **пояснения** направлено на диктум, который частично известен, «понятен», однако если *разъяснить* имеет целью полное «прояснение» диктума, то *пояснить*, в соответствии с его внутренней формой (приставка *по-* имеет значение ‘в некоторой степени, скорее немного’), в своем исходном и специфическом значении — в некоторой степени, в какой — неизвестно. Ср. [31]: *пояснить* —

«сделать более ясным, понятным; объяснить, растолковать». В своем исходном и наиболее типичном употреблении *пояснить* вводит дополнительную информацию по уже введенному Г-им в предшествующем дискурсе диктальному содержанию: *Да вы — ничего, пройдите. Коли заказать надо, так и Катерина Николаевна принять может... жилища у нас... — пояснил он, — и, что готового есть, покажет* (А. В. Амфитеатров. Домашние новости) — объяснил, пояснил, кто такая Катерина Николаевна. Поскольку *поясняют* то, что уже сказано, уже введенное в дискурс и в мир А-а диктальное описание какой-то области, *пояснить*, в отличие от *объяснить* (и подобно *разъяснить* в специфическом для последнего употреблении) не относится непосредственно к причине, мотиву, основанию и другим диктальным областям и не может иметь в качестве «темы» пояснения соответствующие обозначения: **Он пояснил причину своего опоздания / почему он опоздал / как добраться до X и т.п.* Такой «темой» могут быть только сказанные ранее слова: *Поясню свою мысль — ‘сказав нечто, постараюсь сделать уже и з л о ж е н н у ю мысль более понятной, ясной’.*

В последние десятилетия происходит взрывной рост употребительности *пояснить* (см. Корпус). Экспансия этого глагола приводит к тому, что он начинает вторгаться в области, традиционно закрепленные за *объяснить*: [Адвокат Астахов:] *Не могли бы вы пояснить, какие у вас отношения?* [с мужем] (т/с «Дело Астахова») ≈ *объяснить*; [Полицейский:] *Оштрафовали несколько водителей, не пристегнувших детей. Поясняют: недалеко ехать.* (Новости. Дубненское ТВ. 13.12.12) = ‘объясняют, почему они не пристегнули детей ремнями безопасности тем, что им было недалеко ехать’.

Пояснять / пояснить не является конативным глаголом: **Она с трудом / легко пояснила, что... / кто... / какие у нее отношения с мужем.*

5. Перлокутивные глаголы побуждения к действию делятся на 2 типа.

Глаголы первого типа — *убеждать, настаивать, внушать* — совмещают дескриптивное (каузацию изменения в картине мира А) и побудительное значения (каузацию выбора А-ом Р), глаголы второго типа обозначают только побуждение — *уговаривать, отговаривать, упрашивать, умолять, просить, урезонивать, подначивать, соблазнять* и т.д. Рассмотрим коротко наиболее важные из них.

Перлокутивные действия побуждения 1-ой группы совершаются в целом таким же образом, как и соответствующие перлокутивные действия каузации изменения в картине мира А, отличаясь от последних тем, что каузируют в той области ума, которая отвечает за действия воли, «решение», выбор делать Р (что, собственно, также является видом каузации изменения в уме А), а также тем, что включают в свой состав первичные иллокутивные акты (прямого или косвенного) побуждения — совета, предложения, вопроса, риторического вопроса и т.д.

5.1. Убеждать / убедить А-а сделать Р. Дополнительный компонент, который появляется в убеждении₂ в связи с тем, что это каузация выбора контролируемого действия, это вопрос, в чьих интересах это действие. В случае убеждения Р в интересах А-а. Убеждение совершается подбором аргументов, которые каузируют А-а посредством умозаключения прийти к выводу, что Р хорошо (в сенсорном, утилитарном или этическом (деонтическом) смысле [2, с. 75–76]) для А или для группы, в которую входит А, и поэтому выбрать делать Р. «Воздействие в этом случае оказывается на ментальное состояние и через него на конкретные поступки» [7, с. 84; см. также 20, с. 1172]: *Оставь здесь свой гонор, — убеждал упряма старик. — Все бросай, пока не поздно, и поспеши за нами. Приведу вас туда, где спокойно, и там сможете век дожидать в свое удовольствие...* (И. Бояшов. Путь Мури); *Зачем же идти в столовую, когда можно дома? Мы в столовой-то знаешь сколько время потратим! — убеждал жену Иван. — А тебе интересней по магазинам походить, сама говорила.* (В. Шукшин. Печки-лавочки) — риторический вопрос совмещает в себе дескриптивное и побудительное значение [37]: ‘Незачем

идти в столовую, поэтому давайте пообедаем дома' (Г убеждает А принять его предложение). Сценарий убеждения может усложняться, включая аргументы в пользу того, что Р, хорошее для А в каком-то одном смысле, не является плохим для А или для группы, в которую входит А, в каком-то другом смысле, или же что плюсы Р перевешивают его минусы: *Берите власть, Михаил Владимирович! — убеждал его Шульгин. — Никакого бунта в этом нет.* (А. Алексеев. Падение монархии в России: заговоры и революция).

5.2. Настаивать / настоять на том, чтобы А сделал Р. Как и в случае дескриптивного настаивания, побудительное *настаивать* может быть как перлокутивным, так и иллокутивным действием.

Перлокутивное побудительное настаивание совершается, как и в случае дескриптивного настаивания, повторением буквально или в разных вариантах первичного побуждения. То, что человек продолжает добиваться исполнения Р (выбора А сделать Р), видно из того неконвенционального факта, что он повторяет, возобновляет снова и снова свое побуждение в ситуации, когда А отказывается принять побуждение к исполнению (в частном случае, выполнить его): *Вон в третьем ряду... поглядите-ка... Я поглядел и ничего не увидел. — Всмотритесь хорошенько! — настаивал он.* (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей); *Так что же вас так рассмешило? — спросил я у него. Он снова затрясся, на этот раз от беззвучного смеха, и махнул рукой — дескать, хватит меня разыгрывать. — Всё-таки я не понимаю, — настаивал я. — Неужели? — спросил он и слегка выпучил свои и без того достаточно выпуклые глаза. — В самом деле, — говорю я.* (Фазиль Искандер. Начало) — Г настаивает, чтобы А ответил на его вопрос.

Как и в случае настаивания₁, настаивание₂ может включать в себя аргументы, в этом случае оно сближается с убеждением. Ср.: *Дайте мне свой телефон: я позвоню накануне, — сказала Алина. Как всякая красавица, она, конечно, очень занята! — Нет, вы можете не дозвониться. Лучше договоримся прямо сейчас, — настаивал Лёва.* (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете).

Иллокутивное настаивание совершается посредством перформатива *настаиваю*; в этом случае речевое действие может совершаться и обычно совершается без реального перлокутивного настаивания-повторения. Побуждение-настаивание имеет категорический характер, это сильное побуждение, не предполагающее отказа А-а, не оставляющее ему свободу выбора — выбрать или не выбрать Р. Оно, уже конвенционально, значит примерно следующее: 'Я побуждаю вас сделать (принять к исполнению) Р, и предупреждаю вас, что я не приму отказа сделать Р': *Являясь, в отличие от других претендентов на квартиру № 66, остро нуждающимся в улучшении жилищных условий, я категорически настаиваю на том, чтобы эта квартира в соответствии с решением общего собрания была предоставлена мне* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Отрицание иллокутивного настаивания не отменяет побуждения, но делает его некатегорическим: *Поэтому я вас не тороплю и на немедленном решении не настаиваю* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

5.3 Перлокутивные действия «чистого» побуждения — *упрашивать, просить*₂, *умолять, уговаривать, отговаривать* (= *уговаривать не делать Р*) — назовем их «упрашивания» — соотносятся с иллокутивным актом просьбы. Условия уместности (пресуппозиции) РА акта просьбы: Р, совершить которое побуждается А, в и н т е р е с а х Г, и А не обязан выполнить побуждение (принять к исполнению) Р, принять или не принять его к исполнению, зависит от воли, выбора А. Если А отказывается выполнить первичное

побуждение, Г может смириться с этим, а может перейти к стратегии перлокутивного побуждения, которое заключается в том, что Г п о в т о р я е т (часто неоднократно) первичное побуждение-просьбу, усиливая просительную интонацию, добавляя такие усиливающие просьбу побудительные слова, как *пожалуйста*, побудительные частицы *ну* а также аргументы (мотивировки) [20, с. 883; 15, с. 142]. Однако это аргументы особого рода. Если убеждение апеллирует к аргументам, которые объясняют с рациональной точки зрения, почему сделать Р хорошо для А, то специфические для этой группы мотивировки, обоснования побуждения отсылают к интересам Г (А должен сделать Р, потому что Р очень хорошо для / нужно, очень нужно, необходимо, жизненно необходимо Г), а также к тому, что от А это потребует мало усилий (= принесет ему малый ущерб): *Ну пожалуйста, ну сделай это, мне очень нужно, ну что тебе стоит?* (≈ ‘тебе это принесет маленький ущерб, а мне большое благо’). Некоторые из этих глаголов могут быть как перлокутивными, так и иллокутивными (*просить*, *умолять*), другие — только перлокутивными (*уговаривать*, *отговаривать*, *упрашивать*). *Просить* — типичный иллокутивный глагол, способный к перформативному употреблению, однако он может употребляться и для обозначения перлокутивного действия, в этом случае он ≈ *упрашивать*. В перлокутивном употреблении *просить* может сочетаться с показателями длительности и образа действия (*долго, со слезами на глазах* и т.п.): действия: «*Возьмите меня в лодку, люди добрые*», *просит старик, а ему в ответ из лодки: «нам и так трудно справляться, а тут тебя еще старого взять с собой»*. «*Понудитесь малость, возьмите меня в лодку, большую корысть наживете!*» *взмолился старик, а рыбаки его все не берут. Долго просил старик взять его в лодку, да так и не допросился*. (Н. И. Березин. Пешком по карельским водопадам). *Упрашивать* — перлокутивное действие обычно интенсивнее, чем в случае *просить*: больше повторений, энергичнее интонация «упрашивания» и т.д. *Умоляют* в ситуации, когда Р о ч е н ь , в в ы с ш е й с т е п е н и нужно А-у [20, с. 883]. Как говорится, это вопрос жизни и смерти. *Умолять* может быть перлокутивным действием (оно делается с еще большей интенсивностью, чем *упрашивать*), но оно также активно употребляется иллокутивно (см. [20, с. 883, 885]. В этом случае перформативное *умоляю* как бы «вбирает» в себя весь возможный перлокутивный контекст повторения и усиления побуждения и выражает это уже конвенционально, иллокутивно: уже не надо говорить *Очень нужно!* и т.п.: [Буфетчик:] ... *Гражданин профессор, умоляю, остановите рак* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В перлокутивный комплекс «упрашивания» могут включаться элементы убеждения — логические аргументы, основывающиеся на том, что сделать Р, помимо всего прочего, будет хорошо и для А, см. такой аргумент в примере выше: «*Понудитесь малость, возьмите меня в лодку, большую корысть наживете!*» — *взмолился старик*. Аналогично: *Погодите, сахиб, сахиба!* — *уговаривал нас Гашиш не прерывать прогулки*. — *Я знаю ювелирный магазин, там работает мой брат, он со скидкой продаст вам любые украшения!* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию). Г приводит аргументы, почему Р хорошо для А (купить украшения со скидкой), но понятно, что это и в интересах Г: там работает его брат, которому он хочет помочь.

Наиболее легко с рациональными аргументами — убеждением в том, что Р нужно сделать, потому что оно хорошо для А — сочетается *уговаривать*: *Хорошо, хорошо. Но и в тюрьме надо кушать. Ешь, суп остынет!* — *уговаривал его Абессалом, усаживая за шаткий стол*. — *Ешь, мой хороший! Ешь, пока харчо горячий!* — *со слезами помогал он ему овладеть*

трясущейся ложкой. (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь); *Едем,* — *уговаривал меня таксист.* — *Через час будешь на месте. Дорого не возьму.* (Е. Костикова. Наша бронелодка стоит на запасном пути). Отличие от собственно убеждения: само употребление для описания этого действия слова *уговаривал* показывает, что Г очень заинтересован в том, чтобы А выполнил Р.

Все описанные выше перлокутивные глаголы побуждения к действию являются конативными. К неконативным побудительным перлокутивным глаголам относятся *подначивать*, а также близкие к нему по значению *подзуживать*, *подбивать*, *подстрекать* и некоторые другие. Специфика подначивания заключается в том, что цель РА является замаскированной [8, с. 187; 10, с. 53]. С точки зрения того, что в ситуации совершения данного ПД является «замаскированным», скрытым от А, выделяются два типа подначивания.

Замаскированной может быть не собственно цель — побудить А сделать некоторое Р, а то обстоятельство, что выполнение этого Р — не в интересах А, принесет ему ущерб. В этом случае действие подначивания совершается посредством побудительных РА, часто при поддержке дескриптивных РА, выражающих аргументы в пользу совершения Р: *Во, и мне двадцать четыре! Какой же я те пахан буду? — Это допускается,* — *твердо сказал Рустам.* — *Иди, иди, Колян,* — *стали подначивать остальные лысые.* — *Человек крестится, нельзя отказывать. По понятиям.* (Р. Арифджанов. Крещение).

В другой, более косвенной разновидности подначивания, скрытой является также и цель побудить А сделать Р. Такое подначивание совершается посредством утверждений (прямых или косвенных, в виде импликатур), что А из-за своей трусости, слабоволия, некомпетентности, глупости, отсутствия способностей или других негативных качеств не сделает некоторое действие Р; Г стремится задеть этим чувство самолюбия А и тем самым побудить его нарочно сделать Р, чтобы опровергнуть исходные негативно характеризующие его утверждения Г: *Так ведь не выдержишь,* — *подначил кто-то из ребят* (П. Сиркес. Труба исхода). Стандартизированной формой выражения такого подначивания являются *слабо-конструкции*: *В тот раз Григорий Беленький, человек с большим чувством юмора и с маленьким самозащиты, снимал прыжки индейцев. Андрей Миронов его подначивал: «А ближе подойти слабо?!»* (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда).

Понятно, что раз Г подначивает А сделать Р, то это Г зачем-то нужно. Одной из наиболее частых целей подначивания является жизненно-языковая игра: каузировать А выбрать Р и посмеяться над ним (над его глупостью, некомпетентностью и т.п.), «представить адресата в смешном свете» [10, с. 54], если и когда он выполнит это Р и попадет в неприятную ситуацию: *Пойди да отведи,* — *подначил ее насмешливый супруг.* — *Взаправди!* — *не поняв шутки, на ноги поднялась хозяйка.* (Б. Екимов. На хуторе).

6. Перлокутивные глаголы воздействия на чувства (эмоции) — *успокаивать / успокоить, утешать / утешить, ободрить, подбодрить, обнадежить* обозначают положительное воздействие на эмоциональную сферу А-а. Нет перлокутивных глаголов, которые бы обозначали действие с фиксированной целью каузировать какую-либо отрицательную эмоцию.

Глаголы эмоционального речевого воздействия включают указание на конкретную цель в своё значение — ‘(с)делать спокойным’, ‘(с)делать бодрым’, ‘(с)делать так, чтобы А перестал горевать’ и т.п., поэтому они не имеют внешней валентности цели, но только валентность на слова (высказывания) — «средства» утешения, успокоения и т.п. Перлокутивные действия этого

вида совершаются посредством дискурсивного комплекса, состоящего, если представить его в полном виде, из побудительных высказываний, побуждающих А-а прекратить испытывать отрицательное чувство и / или начать испытывать положительное, и предлагаемого А-у умозаключения, совершив которое, он, по мысли Г, должен прийти к выводу, что нет оснований испытывать отрицательное чувство / есть основания испытывать положительное чувство, и вследствие этого прекратить испытывать отрицательное чувство / начать испытывать положительное чувство. Однако в реальном дискурсе это действие часто предстает в сокращенном виде — умозаключение редуцируется до дескриптивных высказываний — сообщений или констатаций, описывающих основания для вывода: *Я была совсем молоденькой, неопытной, но он успокаивал: «Ты не бойся, я тебе всё поставлю»* (Сати Спивакова. Не всё); *Не пугайтесь, — сладко успокоил Коровьев, беря Маргариту под руку, — бальные ухищрения Бегемота, ничего более.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Не бойся, — ободрил Петьку Алик. — Здесь сейчас никого нет, кроме птиц* (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий); побуждение также часто является имплицитным: *Да наши ещё живые, — успокоил он Катерину и даже похвалился: — через раз, но дышат.* (Б. Екимов. Пиночет).

Поскольку человек в норме не контролирует / слабо контролирует свои чувства, побудительные высказывания в этом случае не являются стандартными конвенциональными побуждениями. Они являются конвенциональными побуждениями лишь частично — в той небольшой степени, в которой человек все-таки способен контролировать свои эмоции, в большей мере они призваны воздействовать на А-а не конвенционально, но непосредственно, опираясь на психологические механизмы внушения. В последнем случае, как и в целом в случаях внушения, может использоваться повторение и особая — успокаивающая, ободряющая и т.п. — интонация: *Ну успокойся, ну не плачь, ...!*

Примыкают к перлокутивным глаголам воздействия на чувства глаголы *урезонивать / урезонить*. Речевые действия, которые обозначают эти глаголы, формируют более высокий уровень перлокутивных действий. Они включают в себя воздействие на эмоциональное состояние А-а с помощью побудительных высказываний и аргументов, однако здесь изменение эмоционального состояния не является конечной целью, как в группе выше. Эти глаголы употребляются в ситуации, когда А испытывает некоторые чувства, эмоции, отрицательно оцениваемые Г, и эти эмоции, чувства каузируют некоторые действия А-а, которые также оцениваются как отрицательные Г-им; Г своими словами стремится каузировать прекращение / несовершенство этих действий, стараясь каузировать прекращение каузирующих эти действия чувств. Таким образом, этот глагол описывает действие, имеющее целью сложную каузальную цепочку замысленных эффектов, когда осуществляется воздействие на ум с целью воздействия на чувства с целью воздействия на волю (выбор действия) А-а.

Побуждение в случае урезонивания может быть направлено на прекращение чувства (и, как следствие, прекращение действия), либо непосредственно на действие, которое должно стать следствием прекращения испытывания чувства. При этом само действие или чувство, прекращения которого добивается А, может оставаться имплицитным, быть ясным из ситуации, но то, что его надо искать, «домысливать», следует из самого употребления слов *урезонивать / урезонить*: *Уж не Бормотун ли их подослал? — спросил он с тревогой. — Да успокойся ты, — урезонил его Малафей. — Это друзья. Они пришли к нам изучать русский язык. Они и слыхом не слыхали, что тут у нас бесчинствует Бормотун.* (И. Токмакова. Станем грамотеями) —

здесь эксплицитными являются побуждение успокоиться и аргументы, которые должны успокоить А; действие, которое должно быть прекращено — это задавание вопросов. *Все было сделано, проверено и перепроверено, но Гавриил не мог усидеть на месте и метался по шалашу. — Отдохните, Гаврила Иванович, — урезонивал Захар; он набивал для поручика папирасы. — Еще часа четыре спокойно поспать можно, я разбужу.* (Б. Васильев. Были и небыли). Здесь побуждение направлено непосредственно на действие, воздействие на чувства имплицитно, на поверхности оно проявляется в наречии *спокойно* (можно поспать *спокойно*). *Психуешь, парень, — урезонивал его бывалый каменщик Трифон из их бригады. — А ты не психуй, ты легше все бери. Второй срок — он для всех самый трудный, а дальше уже как по маслу. Верь слову: третий раз ухом не поведешь.* (И. Ратушинская. Одесситы) — в глаголе *психовать* совмещается выражение действия и (отрицательной до ненормальности) эмоции, поэтому *не психуй* = ‘не испытывай этих ненормальных эмоций и не совершай вызываемых ими действий’.

Утешил, успокоил, урезонил, подобно *объяснять / объяснить*, имеют как конативные: *Насилу / С трудом я его успокоил*, так и неконативные употребления: *Не пугайтесь, — сладко успокоил Коровьев, беря Маргариту под руку, — бальные ухищрения Бегемота, ничего более.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Глаголы *подбодрил, ободрил, обнадежил* не имеют конативных употреблений: **Насилу / еле-еле / с трудом я его ободрил / подбодрил / обнадежил; *Я его легко ободрил / обнадежил.* СВ этих глаголов имеет значение ‘сказал’: *Найдется, тогда посмотрим, — уклончиво обнадежил его следователь.* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема), достигнута или нет цель речевого действия, остается (без уточняющего контекста) неизвестным.

Библиографический список:

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С.14-23.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. литер., 1955. 416 с.
5. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
6. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 238-250.
7. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82-88.
8. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993б.
9. Гловинская М.Я. Многочисленность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
10. Гловинская М.Я. От «наставлений» к «подначкам» // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 48-56.
11. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.

12. Дмитриовская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкознания. 1985. № 3.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М., 2000.
14. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лыстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008.
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2009.
17. Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 161-238.
18. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
19. Милютина М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке. Ижевск, 2005.
20. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., испр. и доп. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
22. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
23. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
24. Падучева Е.В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5.
25. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
26. Рахилина Е.В. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С.46-54.
27. Русская грамматика / АН СССР. Ин-т рус. яз. Т. 1. М., 1980.
28. Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
29. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
30. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
31. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981-1984.
32. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
33. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.
34. Zhang Jiahua. Eluosi dangdai yuyixue. Beijing, 2003.
35. Чжан Цзяхуа, Шатуновский И. Б. Перлокутивные глаголы и вид в русском языке // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60(2). С. 352-366. — <http://dx.doi.org/10.1080/00806765.2014.984471>.
36. Шатуновский И.Б. Дескриптивные высказывания в русском языке // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25(1).
37. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. М., 2004.

38. Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог' 2004. М., 2004.
39. Шатуновский И. Б. Грамматика мысли в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. Труды и материалы.
40. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
41. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1962.
42. Karttunen L. Implicative verbs // Language. 1971. Vol. 47(2). P. 340-358.
43. Macmillan English dictionary: For advanced learners. 2006.
44. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc., 1987.

Shatunovsky I.B. **Perlocutive acts and their types: how to do things with words, doing things with words**

This paper is devoted to perlocutionary actions and perlocutionary verbs — the verbs that denote perlocutionary actions — in Russian. The study of perlocutionary actions are of great importance not only for linguistics, but also for sociology, social psychology, and logic of actions, because perlocutionary interaction is an intrinsic part of social interaction at large. The paper proposes a fresh approach to perlocutionary actions, establishes the conditions of transition of perlocutionary verbs into illocutionary ones, identifies the main types of perlocutionary verbs and actions, describes the most important Russian perlocutionary verbs.

Keywords: perlocutionary, illocutionary, speech acts, speech actions, verbs, Russian, semantics, pragmatics.